

Серия «Ключ от послезавтра»

ПИТЕР ГРЮ

ПИСЬМА
НА ЧЕРДАК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)
Г92

Иллюстрация на обложке *Алисы Перкмини*
Дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*

Грю, Питер.
Г92 Письма на чердак : повесть / Питер Грю. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. : ил. — (Ключ от послезавтра).

ISBN 978-5-17-111066-6

Чердак — это место забытых вещей и пыльных историй.

Когда тебе грустно, напиши письмо на чердак, и призраки обязательно его прочитают. По дороге, усыпанной лунной пылью, они уведут тебя в Тёмный Уголок — мир-убежище, где ты забудешь о печали, где замки появляются из ниоткуда и где каждый может стать волшебником.

Здесь тебя встретят сестра и брат Шушу и Гном — однажды они обнаружили, что их плед превратился в дракона; девочка Анжела, которая умеет летать; Герман — мальчик, чьи рисунки оживают. Главное, не повстречаться с Сорокопутом — с тем, кто хочет разрушить всё...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-111066-6

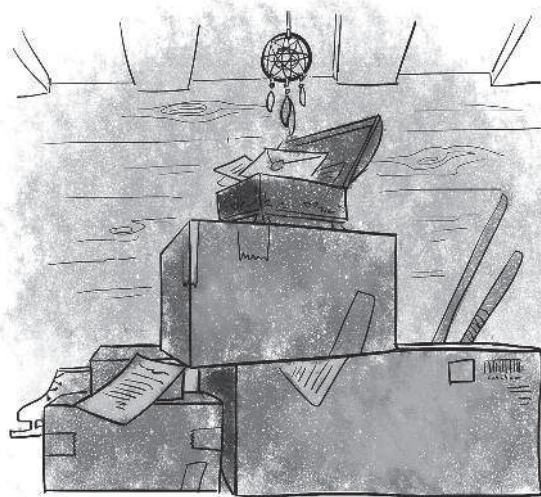
© Питер Грю, 2018
© Алиса Перкмини, иллюстрации, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Никто не знал, где это место.
Никто не мог пойти туда со мной.
Никто не мог сделать мне там больно*.

---

* Перри Брюс, Майя Салавиц. Мальчик, которого растили как собаку. И другие истории из блокнота детского психиатра. АСТ, 2015.

Предисловие

Когда мне было восемь лет, я познакомилась с Бархатой. Бархата жила на чердаке — вернее, в маленькой комнатке, которая, кажется, называется мезонином, но мы звали её просто «чердачной комнаткой».

Теперь у меня свой дом и свой чердак — уютно-пыльный, пахнущий сухой травой, солнцем и теплом, в пятнах света на старых ящиках и коробках. Настоящий первоклассный чердак, забитый историями прошлых жильцов и паутиной. На нём не хватает только Бархаты. Но я пишу ей письма и храню их, как кощееву смерть: шкатулка в коробке, коробка на коробках — шаткая пирамида забытых вещей. Я надеюсь, что Бархата их читает — мои письма.

Здравствуй, Бархата.

Ты помнишь маленькую Шушу, которая покинула Тёмный Уголок? Теперь она стала мной.

Она больше не берёт кувшин с горячим компотом прямо из воздуха, не привязывает качели к ветру, не разговаривает с мышами и не бежит босиком по морозной траве.

Но она всё равно может спрятаться, просто представив Тёмный Уголок.

Мир-убежище.

Мы не должны говорить о нём друг с другом. Но иногда всё же сталкиваемся в Тёмном Уголке, а потом находимся здесь. Мы сушим цветочные букеты, шепчемся, пересказываем истории. Каждая из них словно пыльная книга из коробки на чердаке. Когда протираешь обложку, пыль остаётся на руках. Но мы-то знаем, что это не просто пыль. Это лунная пыль от следов призраков. Поэтому её можно найти только на чердаках — поближе к небу, где можно спрятать целый мир в укромном уголке.

Я писала эти заметки, обрывки воспоминаний, складывала в конверты и отправляла на чердак. Такая вот почта. Там же хранился и дневник Князя, который эмоциональная Джин как-то выкрала и отдала мне, да так он у меня и остался. А другие истории: Сорокопута, Подсолнух, Германа — мы нащёптывали друг другу поздними вечерами, сидя под скошенной крышей, на сухих светлых ящиках в окружении крапивных веников и танцующих пылинок.

И вот я решила достать мои письма, чужие воспоминания, рассортировать все примерно по времени и наконец понять, что же тогда всё-таки произошло.

Для себя, для Бархагы и всех тех, кто прячется и прячет, кто ищет тень в свете, знает тайные миры и питает тёплые чувства к углам.

Часть 1

До праздника

Шушу и Гном

Письмо 1

Здравствуй, Бархата.
Сегодня я решила вспомнить, как ты поселилась на чердаке.

Всё началось с очередной ссоры родителей.

Когда родители ссорились, мне казалось, что звёзды сыплются с неба, птицы улетают на юг, а старый дом скрипуче вздыхает всем своим деревянным телом.

Когда родители ссорились, густые чернильные тени покидали углы, подкрадывались к кровати, заполняя всё вокруг шевелящейся чернотой.

Когда родители ссорились, Котти-Когти была особенно опасна. Она дёргала край простыни, тихо шкрябала под кроватью, и я через щёлочки прикрытых глаз видела мелькание её тени.

Родители ссорились, отправив нас с братом спать. В другой комнате папа во весь голос кричал на маму. А в детской таилась голубовато-чёрная ночь. На потолке сияли кислотно-жёлтые фосфорные звёзды, а в окне бледнел размытый задёрнутой шторой круг луны. И тени в углах были такие густые. Тёмные-тёмные.

И кажется, вот та шевельнулась... Так, не думать... об этом. Не хочу об этом думать.

Я отвернулась к стене и погладила пальцем ковёр. Обычно на нём можно было разглядеть целый мир, но сейчас — только кричащие лица.

Родители продолжали выяснять отношения. Маму не было слышно. Только папу. Всё как всегда, наверное: папа ходит кругами по комнате, а мама сидит на краешке дивана с несчастным видом и теребит халат на коленях...

Я не хотела об этом думать. Поэтому накрылась с головой шерстяным клетчатый пледом.

А ведь это из-за меня родители ругались. Так я считала. Злилась на себя, на свою неосмотрительность, думала, что мама страдает из-за меня. Нет, конечно. Всё было глубже, всё было дальше. Очередная ссора — лишь пущенный с горы ком, только слепленный не из снега, а из обид. Случайность вроде непонравившегося обеда — и ком рассыпается, родители подхватывают прошлое недовольство, кидаются друг в друга воспоминаниями, колкостями, досадой.

Но эта история не о ссорах — эта история о пушистой темноте. Темнота на самом деле не таит ничего страшного. Темнота прячет и успокаивает, даёт передышку от дневной жизни. Все сказки оживают в темноте.

Под шерстяным пледом нечем было дышать. Я рискнула приподнять краешек.

Ага, братец Гном тоже не спит. Возится на соседней кровати. Луна светит прямо на него. Он не виноват, но крики его тоже пугают. Надо его отвлечь.

— А ты знаешь, что у нас на чердаке живёт Бархата? — спросила вдруг я, выглянув из своего отверстия, через которое проникал воздух.

— Кто такая Бархата? — откликнулся Гном.

— Бархата — это Бархата. И она знает всё на свете!

— Да? Сколько звёзд на небе? — спросил Гном.

Я помолчала.

— Бархата говорит, что миллиарды.

— Нечестно! Я тоже могу так сказать! — возразил Гном.

— Тогда Бархата говорит, десять миллиардов тысяча одна звезда, — ответила я, глядя на акварельный след луны на шторе.

— А что ещё говорит Бархата? Но, чур, то, что я не знаю!

— Подожди, мне плохо слышно. Она же на чердаке! М-м-м...

Я погладила плед — бежево-зелёный, клетчатый, шерстяной. Он немного колючий, но мне это даже нравится.

— Бархата говорит, что мой плед — это дракон!

— А мой? — оживился Гном.

— А твой плед — просто плед, — ответила я.

Ну правда, не всем же пледам быть драконами!

— Врёт твоя Бархата! — обиделся Гном. — И у тебя просто плед!

— Бархата говорит, что тех, кто ей не верит, утаскивают волки. А ты у окна спишь, тебя утащить легко. Вон шторы шевелятся!

Я услышала, как брат повернулся к окну. На самом деле не любила шутить такими вещами.

Гном затих. Я приподнялась на локте и тоже посмотрела на шторы. Кажется, они как-то неестественно бугрятся. Обычно шторы так не висят...

— Гном, я пошутила. Нет никого за окном, — прошептала я осторожно.

— Так я знаю, что никого нет.

— Они точно не шевелятся?

Мы замолчали, разглядывая в подвижной темноте неподвижные шторы, и только теперь поняли, что крики в родительской комнате стихли.

Темнота отступила, тени вернулись в углы.

— Давай спать, — предложила я.

Давно уже пора.

— Ага, — откликнулся Гном.

Я натянула плед до ушей. Когда ты мал и беспомощен, кто-то должен тебя защищать. Кто-то тёплый, уютный и немного колючий. Никаких рыцарей! Только драконы могут победить темноту, несчастья и грусть.

— Будешь моим драконом? — тихо шепнула я пледу.

И уснула.

Эту ночь я и привыкла считать днём знакомства с Бархатой и драконом.

Утро началось обычно: папа ушёл на работу, а мама крутилась у плиты в своём стареньком пёстром ситцевом халате, и её толстая русая коса тяжело свисала между лопаток до самого пояса. Я мечтала, что, когда вырасту, у меня тоже будет такая же коса (но нет, короткая стрижка — наше всё), а тогда щеголяла с тонким мышинным хвостиком, который мама называла «детскими волосами».

— Я перцы вчерашние разогрела. Будете? — предложила мама нам с братом.

Половинки фаршированного перца — два острова в подливе на моей тарелке. Это я вчера попросила их приготовить. С них-то всё и началось.

Они были большими, хрустящими, глянцево-красными. Я тщательно выскребла семечки, сполоснула пустые овощи, на-

бирая в них воду, словно в стаканы, а потом наполнила начинкой из фарша и риса.

Мама запекла их в духовке, а после потушила в большой кастрюле с луком, морковкой и помидорами. Получилось праздничное блюдо в обычный будний день. Мне это показалось хорошей идеей — что-то хлопотно-вкусное в серый вторник.

А потом пришёл папа. Пока он мыл руки, мама выловила на тарелку два перца и полила их густой подливой. Вот тут-то я и заметила бегемотов. Густо-тёмные, тучные, они сидели за столом. И как я сразу их не заметила? Они же вошли вслед за папой. А папа посмотрел на обед, нахмурился и спросил:

— Где суп?

Ой, суп мы не успели приготовить.

Мама молчала, а отец стал выговаривать ей, что перцы он совсем не любит и никогда не любил. Как же так? Я была уверена: это блюдо в семье нравится всем. Неужели ошиблась? Вот так влипла!

Уши горели от стыда, но мне не хватало смелости признаться папе, что перцы попросила я. Вместо этого я позорно сбежала — тихонько выскользнула на улицу и долго сидела на лавочке, наказывая себя бездействием за трусость. Гном звал играть, не понимая, что со мной, но мне было не до игр. Какие тут развлечения, когда я так виновата?

Настало утро, и мои враги теперь невинно лежали на тарелке, прикрывая начинку соусом. Из-за них — вчерашний день насмарку. Я принялась мять один из перечных островов, топя его в подливе. Вот тебе, получай, утони, исчезни!

— Мам, можно нам сегодня поиграть на чердаке? — спросил Гном.

— А что там интересного? Будете бегать, пыль поднимать. У меня там бельё сушится, — сказала мама, подсаживаясь к столу с чашкой чая. — Или начнёте ворошить вещи в коробках, вытаскивать и неаккуратно складывать назад. Знаю я вас. Да и духота там, наверху, такая.